

Институт культуры внимает

(Начало – стр. 1)

Конференция литературоведов и критиков «Большой стиль» должна быть направлена против литературы в её нынешнем понимании, когда слишком субъективные травмы авторов, издательские проекты, премиальные интриги и жанровые схемы выстраивают на могилах постмодернизма курган, не способный заинтересовать умы будущих эпох. Не надо современной литературы в большом количестве! Постарайтесь не становиться писателями в потоке закономерно малотиражных образов! Зачем нам критики, пишущие рецензии для смеха других, таких же грустных и относительных критиков! Все это развлечения для сытых и застрахованных. Однако сейчас все страховки и гарантии сгорели. Для чего ныне спорить о неомодернах, новом реализме или метамодернизме?

Что такое идеология

Я всю жизнь занимался литературой, чтобы понять, что никакой литературы, отлученной от идеологии, не существует. Если ты говоришь о литературе, то рано или поздно придется с идеологией, а если не придется, то ты говорил не о литературе.

Это может показаться шуткой. Так или иначе её смысл направлен вовсе не в шуточную сторону. Хочешь понять литературу – разберись с идеологией и культурой.

Предмет литературы складывается из двух составляющих: идей (смысла) и стиля (способа выражения смыслов, «красоты»). В классической традиции, восходящей еще к Аристотелю, – из содержания и формы.

Очевидно, что из двух составляющих чем-то специфически литературным – тем, что кроме как в литературе более нигде не присутствует, – является словесно-художественный стиль, способ подачи и организации ценностно-смыслового дискурса. Что касается содержания как такового (семантики, так или иначе связанной с природой человека, и философской антропологией, с ценностным ядром культуры), то литература не контролирует эту сферу жизни человека. Литература не производит ценности и смыслы и не управляет ими; ровно наоборот: ценности (содержание) управляют литературой (стилем). Если литература исчезнет, смысловые ценности не исчезнут вместе с ней; если исчезнут ценности, то почти вся литература, имеющая значение для мировой культуры, исчезнет вместе с ними.

При этом утверждать, что литература является «служанкой идеологии», – значит принизить культурный статус и потенциал литературы; отрицать «прислуживание», то есть зависимость, – глупо. «Служанка идеологии» – это идеологическая маркировка идеологии, направленная на дискредитацию литературы. Надо корректировать термины: литература – инструмент идеологии, что вовсе не унизительно; напротив, литература выполняет важнейшую культурную функцию.

Идеологию же мы трактуем как тип управления информацией, который позволяет превращать идеи в материальную силу. Идеология – это учение о вере в идеи (истинные или ложные), которые, обращаясь к каждому персонально, способны объединить общество, становясь при этом силой, предназначенной для изменения реального мира.

... Идеология в нашем понимании – это не учение об идеях или о системах идей, несущих мировоззренческую нагрузку; это отчасти верно, но в целом дает искаженное представление о предмете. Идеология – это нарратив, с одной стороны, при связях личного и общественного, а с другой стороны – про связь двух языков культуры: веры и идей (познания).

Идеология – это научный контент, изложенный ненаучным (образным) языком. Если говорить о структуре, то идеологию как целостный, многоплановый и сложно устроенный антропологический нарратив можно с известной долей условности представить как взаимодействие трех уровней:

- Картина мира,
- Матрица,
- Технология.

Под «Картиной мира» мы подразумеваем систему ценностей человека, сознательно сформированные мировоззренческие установки, которые служат основой для формирования мотиваций и моделей поведения. «Матрица» – система ценностей, данная в образной, чувственно воспринимаемой форме (в мироощущении).

«Технология» – инструмент перевода с языка «Картины мира» (миро-

Как же так? К чему призываю? Сейчас важнее быть учителями и публицистами, эссеистами и проповедниками, миссионерами русского слова и его апологетами. Необходима трансформация литературы в словесность. Так, как это происходит в знаменитых поэтиках Бахтина, Лихачева, Аверинцева, Кожина – происходит с Достоевским, Древней Русью, Византией, Тютчевым. Так, как это происходит в писаниях наших современников, идущих навстречу разрастающейся войне. Писателем можешь не быть, а мастером словесности – если есть дар слова и мощное понимание мира, если присутствует верность и жертвенность – быть надо! И так –

Необходима поэтика русского сюжета!

Литература должна быть разной. Одну мы понимаем, другую нет, третья понимает нас. Здесь надо быть спокойным и, может быть, даже смиренным. Однако эта мысль о безгра-

Что нам делать с поэтикой?

Доклад на конференции «Большой стиль»

ничной свободе мало что решает в большом времени и большом пространстве, которые вдруг стали неизбежными. Запад уверен в слух, что нас нет: политически и нравственно нет, культурно уже нет и в перспективе, о чем эта война и расширяется – территориально. Наверное, главные ответы не в области художественной речи. Но если литература вообще не подходит к вопросам народной жизни, смерти и воскре-

сения, то зачем вообще нужна эта литература? Звучит утопично, и все же скажу: новейшая словесность, как в веках прошлом и позапрошлом, может выстраивать поэтику национальной жизни, споря за душу современника – и с официозом, где

часто рельефна фигура фарисея, и с массовой культурой, многотиражно освещающей разные пустоты.

Итоговым тезисом должен быть следующий:

Высшая форма поэтики – дидактика!

У меня нет никаких ностальгических связей с классицизмом или соцреализмом, мне не нравится пятитомник Михаила Дунаева «Право-

туальна, но которая заставляет посмотреть на мысль в контексте высших культурных ценностей (то есть с точки зрения разума). Приведем популярную аранжировку категорического императива Канта: «Человек всегда должен быть целью и никогда – средством». Это высший принцип нравственности. Кант, а не комбат, выступает подлинным субъектом культуры.

По Друниной получается иначе: если ты задался целью победить фашизм, то человек неизбежно превратится в средство. Не по вине комбата, а по логике вещей, по логике жизни. Хочешь победить врага? Надо скорректировать цель, сердцевины культуры. Вечную и, чего греха таить, несколько абстрактную цель императив «Человек» придется заменить (временно, временно!) на сиюминутную и конкретную «Победа».

При этом цель как таковая, на первый взгляд, нигде не исчезла, и она не противоречит императиву. Победим врага – вернемся к человеку. Дьявол сокрыт в деталях, или, иначе, все на свете состоит из роковых нюансов: только комбатова цель – победа над фашизмом! – развязывает руки тем, кто хочет добиться цели «по Канту». В таком случае комбат, готовый отдать жизнь за свои убеждения, становится субъектом культуры. Хотите мира по Канту – зовите на помощь комбата.

Но тут также сокрыт роковой нюанс. Комбатова цель достигается любыми средствами, что означает: средства в принципе могут подменить цель. По Канту – не могут; по комбату – могут и должны.

Комбатова цель (Победа над фашизмом) – это средство для кантовской цели (Человек); кантовская цель для комбата – пустая фикция, фантом, происки сюлтяев и врагов, проявление слабости. Никто не смеет осуждать комбата, даже Кант. А вот комбат Канта – смеет.

Ставим вопрос ребром. Кто является подлинным субъектом культуры? Кто прав: Друнина-комбат или Кант? В силе Бог или в правде? (Вопрос правоты и веры в нее – это уже чисто идеологический вопрос.)

Если прав Кант, то у комбата появляется шанс. Если прав комбат, то «Победа» над фашизмом станет способом уничтожения «Человека». Если Кант прав, то комбат, хоть без вины, но «все же, все же, все же» виноват (чего нет в стихотворении Ю. Друниной). Тот, кто воюет за истину (Человека), а не только за Победу над фашизмом (в этом лишь толика истины), должен чувствовать собою вину за то, что пусть невольное, согласно бесчеловечной логике вещей, но все же предал императив Канта – суть гуманизма. Суть гуманизма не в Победе над фашизмом, а в том, что Человек – цель. Если в комбатова цели не присутствует цель Канта, то комбат превращается в носителя зла; если присутствует – то в носителя добра. Таков культурный приговор комбату.

Кант, высший субъект культуры, прав как культурфилософ; Друнина права как поэт и бескомпромиссный антифашист. Кант прав с позиций разума, Друнина – эмоционально и интеллектуально. Перед читателем возникает проблема выбора. «Кант VS победоносный комбат».

Необходимо зафиксировать тот момент, который неизбежно делает литературу идеологией. Поэтесса не отвечает, не несет ответственности за качество Картины мира; художник – я так вижу, как говорится. С поэта взятки гладки: какой с него спрос? Не читают поэты Канта, но почему-то считают себя вправе вступать с ним в спор. Малые сии не ведают, что творят. В реально-

сти смыслы не бывают бесхозными, они всегда приведены в определенный идеологический порядок. Друнина заражает своей верой в идеи-мысли (истинные или ложные). Вера в идеи (или праидеи – мысли), которые, обращаясь к каждому персонально, способны сплотить общество, становясь при этом реальной силой, делает литературу идеологией.

Существует иная идеологическая возможность. Некоторым особым чутким к поэтическому слову творцам удается «отделить» форму (стиль) от содержания, наделить форму функциями содержания (сделать стиль важнее смысла). В качестве примера укажем на стихотворение Б.Пастернака «Сумерки... Оруженосцы роз», 1913. Но бесспорно «чистое искусство» (корифей которого В.Набоков, С.Сokolov) – не является исключением из правила «литература есть форма идеологии». Если стиль важнее содержания, следовательно, средство важнее цели. Человек уже не цель, а материал для Его Вели-

чества Искусства (стиля). Vita brevis est, ars longa. В результате мы имеем «Кант VS «эстетический» комбат». «Чистое искусство» – это также идеология, также весьма неоднозначная, дискуссионная и агрессивная. Сегодня эту идеологию взяли на вооружение либералы, чтобы нейтрализовать идеологический потенциал литературы, а на деле – уничтожить литературу как способ духовного производства, как носителя идеологии нашей русской цивилизации.

Так или иначе литература – всегда проводник идеологии. Качество идеологии – это уже философско-культурологический, а не литературоведческий вопрос.

Наш третий тезис таков. Подлинный субъект культуры всегда ориентируется на категорический императив Канта как высшую культурную ценность: следовательно, любого комбата следует изображать и оценивать с позиций Канта.

Писатель почти всегда занимает позицию условного комбата, превращая литературу в служанку политики, патриотизма, красоты, религии, семьи, чего там еще.

Критик должен, обязан оценивать писателя с позиций Канта.

Вот зачем нужна критика.

Анатолий Андреев Литература как

Доклад

чества Искусства (стиля). Vita brevis est, ars longa. В результате мы имеем «Кант VS «эстетический» комбат». «Чистое искусство» – это также идеология, также весьма неоднозначная, дискуссионная и агрессивная. Сегодня эту идеологию взяли на вооружение либералы, чтобы нейтрализовать идеологический потенциал литературы, а на деле – уничтожить литературу как способ духовного производства, как носителя идеологии нашей русской цивилизации.

Так или иначе литература – всегда проводник идеологии. Качество идеологии – это уже философско-культурологический, а не литературоведческий вопрос.

Наш третий тезис таков. Подлинный субъект культуры всегда ориентируется на категорический императив Канта как высшую культурную ценность: следовательно, любого комбата следует изображать и оценивать с позиций Канта.

Писатель почти всегда занимает позицию условного комбата, превращая литературу в служанку политики, патриотизма, красоты, религии, семьи, чего там еще.

Критик должен, обязан оценивать писателя с позиций Канта.

Вот зачем нужна критика.

Наш четвертый тезис гласит: критика – это звено, которое связывает Картину мира и Матрицу (литературу).

А бывает ли так, что идеологическая Картина мира, которой придерживается художник, не противоречит научным (условно – кантианским) представлениям о ней? Бывает ли так, что Картина мира определенного художника ближе к истине, чем остальные? Бывает ли так, что художник и доказывает, и убеждает одновременно, делая это на пределе человеческих возможностей? Бывает ли так, что идеология, а вместе с ней и произведение, переживают свое время?

Конечно, бывает. Когда мы говорим о классике, мы имеем в виду именно это. В случае совпадения позиций ценности – идеи – мысли – образ – стиль мы получаем шедевр, подлинную гармонию смысла и стиля. Таких шедевров в литературе мало. Они возникают тогда, когда поэту удается за счет личного ресурса усвоить сложнейшую гуманистическую картину мира и поделить

Отмечая различные стороны современной русской литературы, стоит обратить внимание на то обстоятельство, что она – как в недавнем прошлом еще советского времени, так и в настоящий момент – представлена во всей своей полноте. В советскую эпоху обширный круг чтения включал в себя произведения серьезные, проблемные, тематически сортированные на русскую культуру, на русскую и, шире, отечественную жизнь, но также и вещи беллетристические – скажем, детективы, занимательную детскую литературу, фантастику, биографические сочинения просветительского характера и прочее.

Все это есть и сегодня, вот только акцент в издательской политике и практике книжных магазинов сместился в сторону откровенной коммерции и нищеты духа. Большие творческие работы теперь отодвинуты в зону тени и специального читательского интереса, тогда как тексты средней руки или даже откровенно убогие, как это бывает в перечислениях имен и названий премиального толка, оснащены аннотациями и рассуждениями критиков, чья нынешняя позорная деятельность напоминает нам о древнейшей профессии.

Универсальность идеологической картины мира становится художественным качеством произведения. Никто не называет Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого или Чехова идеологами, а зря. Их творения в высшей степени идеологичны; но их идеологическая направленность незаметна именно потому, что универсальна: они включают в себя и библейский, и кантовский, и друнинский дискурсы. Все это мы видим, например, в стихотворении А.С. Пушкина «Я вас любил».

Ведь что такое «лишние люди», величайший феномен, открытый русской литературой, с точки зрения информационной технологии? Это личности, которые относились к себе, то есть к ресурсу человека в принципе, в кантианском ключе – как к цели; по этой причине для всех остальных, рассматривающих человека как средство, они были лишними, слишком умными. Тот, кто относится к себе и другим как к цели, обречен испытывать комплекс «горе

от ума». Тип или модель «лишних людей» – колоссальный идеологический ресурс, дарованный нам великой литературой.

Наши классики дали потрясающие образцы умной литературы, которая пробуждает умные (противоречивые) чувства. Не игра интеллекта, а поиски Картины мира, которая стала культурным кодом русской цивилизации, – вот чем ценно творчество великих классиков.

Именно такая литература является элитарной. Именно такая литература необходима для изучения в школе и университете. Именно такая литература развивает мышление, и у учащегося, под чутким руководством учителя, появляется шанс обнаружить в себе личность.

Ключевые смыслы нашей идеологии

Если мы хотим поддерживать нашу культурную традицию, продвигать культурный код нашей цивилизации – добро пожаловать в кантианское измерение.

Теперь про кантианское измерение, про Картину мира подробнее.

Представление о сущности и структуре идеологии позволяет нам сравнить идеологические потенциалы Запада и России в ключе если не гарантированно объективным, то максимально удаленном от субъективности, – хочется думать, максимально научном (с поправкой на то обстоятельство, что ученые также подвержены идеологическому воздействию).

«Матрица» культивирует бессознательное отношение к миру; «Картина мира» – сознательное. При этом важно понимать, что качество «Картины мира» (качество системы) напрямую не определяет качество «Матрицы» (качество интуитивного восприятия системы). Определяет в конечном счете, но не обязательно здесь и сейчас.

Качество «Матрицы» может быть как выше, так и ниже качества «Картины мира».

Вот этот зазор между уровнями идеологии критически важно иметь в виду, когда мы сравниваем идеологический потенциал Запада и России.

Нам уже неоднократно приходилось писать, что зерно западной «Картины мира» можно описать с помощью формулы «не в Провиде Бог, а в Силе». Их культурный код направ-